

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР: БРАСЛЕТ С КИТАЙСКИМ ДРАКОНОМ (ЗАМЕТКИ О ЮВЕЛИРНОМ ПРОТОТИПЕ)

Между 1515–1517 гг., судя по эскизному рисунку (Рис. 1) из коллекции Британского музея (Инв. № SL 5218.74), внимание Альбрехта Дюрера (1471–1528) привлекли женский браслет с китайским драконом и ювелирная подвеска с изображением льва и змеи¹.

Рис. 1

¹ *Cherry J. Goldsmiths // Medieval Craftsmen. Toronto ; Buffalo, 1992. Ill. 70.* Дж. Роулэнд в резюме музейного описании рисунков оба ювелирных украшения ошибочно определяет как «...изображения подвесок со змеей и львом», не делая различий между рисунком женского браслета и подвески со львом и кольцом. См.: *Rowlands J. Drawings by German artists and artists from German-speaking regions of Europe in the Department of Prints and Drawings in the British Museum: the fifteenth century, and sixteenth century by artists born before 1530. London, 1993. No. 208.*

Интерес художника к редким ювелирным предметам легко объяснить: сын и внук золотых дел мастеров, он в ранней юности сам прошел нелегкую школу мастерства у отца, Альбрехта-старшего. Отказ от ремесла златокузнеца в пользу занятия живописью, несмотря на потерю в статусе (в баварском и фламандском общественном мнении живописцы занимали место на ступень ниже ювелиров), состоялся уже в пятнадцатилетнем возрасте. Смена профессиональных приоритетов не означала отказа от интереса к ювелирному делу. Опыт златокузнеца не остался втуне. Он сказался не столько в изображении «нюрнбергского» кубка в «Поклонении волхвов» (1504), но, что более существенно, в творчестве Дюрера как художника². Связь с ремесленниками-ювелирами в зрелые годы нашла отражение в создании серии тематических портретов 1520–1521 гг. и среди них – Эндреса, родного брата, ставшего мастером золотых дел (Альбертина, Вена), ювелира Никласа, мастера Марка из Брюгге. Особое место в этом ряду занимают дюреровские подарки рисунков отдельных украшений друзьям-ювелирам и, конечно, брату. В отличие от эскиза подвески со львом и змеей³, изделия, основанного на рисунке подлинного браслета с китайским драконом, до сих пор не обнаружено. Предполагается, что рисунок браслета, с которым художник мог познакомиться, скорее всего, в Венеции, едва ли был воплощен в материале. В Венеции Дюрер побывал дважды. Первый раз – двадцатитрехлетним (1494–1495), когда бежал от чумы, достигшей Нюрнберга в 1494 г. Второе путешествие в Венецию (1505–1507) состоялось спустя десять лет при более благоприятных условиях (хотя итальянские живописцы усмотрели в нем более соперника, чем коллегу). Кроме Венеции художнику на этот раз удалось посетить Болонью и Рим.

Об оригинале ювелирного прототипа браслета судить трудно. Его композиция, основанная в одной из двух створок на сюжете «дракон, играющий с жемчужиной», бесспорно, дает основание для предположения о китайском прототипе. Тем более что речь идет об одном из самых любимых образов в искусстве Дальнего Востока с функцией оберега. В драконе Лун, считавшемся самым могущественным в своем

² Боре А. Резец гравера // Альбрехт Дюрер. Гравюры / предисл. А. Боре ; пер. с фр. А. Золотовой. М., 2008. С. 23.

³ По наблюдению И. Хакенброх, черты дюреровского эскиза сохранились в украшениях из венского Музея истории искусств и клуатра музея Метрополитен в Нью-Йорке. См.: *Hackenbroch Y. Renaissance jewellery. London ; Totowa, N.J., 1979. P. 112, Pl. 282.* Благодарю А. Травину, обратившую мое внимание на эти сведения.

Крамаровский М. Г. Альбрехт Дюрер: браслет с китайским драконом...

классе и живущим в небе, соединялись, по одному из описаний, черты девяти животных, в их числе голова верблюда, рога оленя, глаза кролика, уши коровы, шея змеи, живот лягушки, чешуя карпа, когти ястреба и лапы тигра. В рисунке из Лондона нет полноты списка признаков дракона Лун. Зато в композиции браслета различимы образы другой разновидности китайского дракона – Ли, Владыки вод, живущего в океане и сохранившего отдельные черты главного небесного существа, в том числе и жемчужину, но снабженного рыбьим хвостом (Рис. 2).

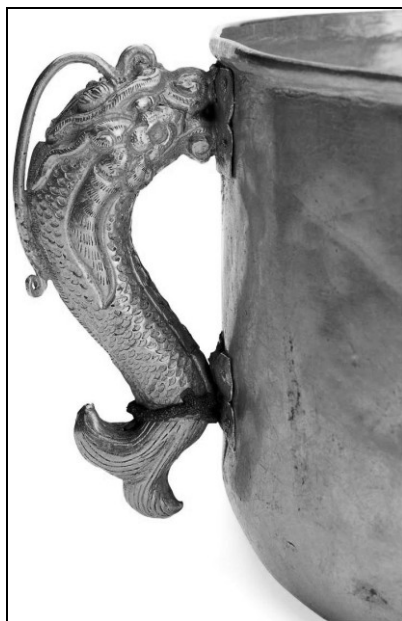

Рис. 2

В другом животном на рисунке браслета предположительно опознается изображение дельфина (?). Можно думать, что набросок Дюрера сделан не прямо с китайского оригинала, а с реплики итальянского мастера. Дж. Черри, подчеркнув соединение в рисунке образов экзотического для европейца дракона и привычного со времени эллинизма дельфи-

на, отметил в стилистике рисунка браслета влияние итальянского Ренессанса⁴.

Тип объемного двустворчатого золотого браслета (нередко, перстня) с парными драконами, играющими жемчужиной, или одним драконом с жемчужиной, характерен для маньчжурского Китая⁵. Парадокс состоит в том, что маньчжурская элита при императорах Кан-си, Юн-чжэне и Цянь-луне в своем стремлении «...стать китайцами в большей степени, чем сами китайцы»⁶, сохранила раннюю традицию подобных украшений, служащую в эпоху Цин укреплению престижа маньчжурской династии. Если отнестись к рисунку Дюрера как историческому источнику, то окажется, что он едва ли не за полтора века до захвата Пекина Ли Цзы-чэном в 1644 г. (с этой датой связан конец эпохи Мин и установление новой некитайской династии) подтвердил своим рисунком реальность существования типа браслета с сюжетом «дракон и жемчужина» в традиционной художественной культуре Китая. Впрочем, недавняя находка плоского золотого двустворчатого браслета с рельефными изображениями дракона при раскопках Каракорума в слое XIV в. вселяет оптимизм в возможности появления новых артефактов подобного типа⁷.

⁴ *Cherry J. Goldsmiths*. P. 64.

⁵ *Catalogue of the exhibition of Ch'ing dynasty costume accessories: the National Palace Museum / text by Cheng Chia-hua*. Taipei, 1986. No. 245, 301, 302; Запретный город. Сокровища китайских императоров. Пекин, [б. г.]. С. 163. № 61 – парные браслеты с надписью «Справедливость и гармония». Благодарю М. Л. Меньшикову за консультацию по материалам китайских украшений с сюжетом «дракон и жемчужина».

⁶ Соотношение маньчжуров и китайцев в империи к концу династии Цин составляло 1 : 35. Однако власти никогда не ослабляли барьера (в том числе и культурного) между обоими этническими массивами населения. Двор и знать, напротив, стремились к демонстрации лояльности и благорасположенности к различным формам традиционной китайской культуры. «Они, – отмечает С. П. Фицджеральд, – восприняли и защищали самые строгие конфуцианские устои. Литература, которой они покровительствовали, строилась по образцу классики древней эпохи, поэзия подражала танским мастерам, искусство ориентировалось на сунскую эпоху (курсив мой. – М. К.)». См.: *Фицджеральд С. П.* Китай. Краткая история культуры / пер. с англ. Р. В. Котенко; науч. ред. Е. А. Торчинов. СПб., 1998. С. 401.

⁷ *Janßen-Kim S. Plattenarmreif // Dschingis Khan und seine Erben – das Weltreich der Mongolen / hrsg. C. Müller*. München, 2005. S. 173–174. Nr. 173.

Дракон на рисунке Дюрера по своей иконографии более всего близок к объемным ручкам золотой чаши XIII–XIV вв. из собрания Эрмитажа, обнаруженной археологическими раскопками 1848 г. на Царевском городище на Средней Волге⁸. На эрмитажном сосуде представлен тип дракона-рыбы, как и на дюреровском рисунке браслета. Дракон Ли – повелитель дождя. Он предпочитает лакомиться плотью ласточек, поэтому, когда люди вымаливали дождь у Повелителя, они в качестве жертвы бросали дракону в воду ласточек⁹.

Водный дракон (dragon-fish), в том числе и с жемчужиной, встречается в женских украшениях в виде серьги уже в период Ляо (907–1125)¹⁰. Для эпохи Мин (1368–1644) известна серия из шести пар женских золотых серег с водными драконами (но без изображения жемчужины) в коллекции Mengdiehuan, США¹¹. Считается, что во все исторические периоды Китая украшения с водным драконом обладали функцией талисмана. В какой-то мере отдаленной параллелью дракону дюреровского браслета может служить и ручка серебряного сосуда в виде протома дракона из Музея в Хунани, датируемого периодом Юань (1279/1280–1368)¹².

Итак, прототип изображению дракона по рисунку Дюрера, по меньшей мере, восходит к эпохе Хубилая (1260–1294). Но мне неизвестно в искусстве Китая сочетание образов дракона и дельфина в одной композиции.

Жемчугу в Китае приписывались многие чудесные свойства, в том числе способность исполнения желаний и оберега от огня. В этой связи стоит вспомнить и миф о волшебной жемчужине, сияющей во лбу дракона¹³. Тем не менее в материалах периодов династий Юань (1279/1280–1368), ни тем более Мин (1368–1644), где за изображением дракона все еще сохранялась стойкая благопожелательная семантика, а сам дракон является символом силы и великодушия, подобные артефакты практически неизвестны. Нет их пока и среди документирован-

⁸ Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. С. 61–62. Рис. 23; С. 236. Кат. № 15.

⁹ Уильямс Ч. Китайская культура. Мифы, герои, символы. М., 2011. С. 132.

¹⁰ White J. M., Bunker E. C. Adornment for eternity: status and rank in Chinese ornament : catalog of an exhibition, Denver Art Museum. Denver, 1994. P. 158, no. 71.

¹¹ Ibid. P. 158, no. 71a.

¹² Zhixin J. S. Dadu: great capital of the Yuan Dynasty // The world of Khubilai Khan. Chinese art in the Yuan Dynasty / ed. by J. C. Y. Watt. New York ; New Haven, 2010. P. 50, Fig. 60.

¹³ Уильямс Ч. Китайская культура. С. 154.

ных археологических находок времени монгольского господства на просторах евразийских степей, в том числе и в Золотой Орде¹⁴.

Обратим внимание, что в какой-то мере старая китайская мифология сохранилась в типе мужской серьги с изображением змееподобной рептилии, характерной для искусства Малой Азии. В 2004 г. такая серьга (Рис. 3) найдена в Восточном Крыму (окрестности Старого Крыма – Солхата, частная коллекция в Симферополе; бронза, литье в жесткую форму, следы позолоты, наиб. диам. 2,6 см)¹⁵.

Рис. 3

¹⁴ Попытку З. В. Додде увидеть в рисунке ткани из могильника Джухта-2 (северовосток Ставропольского края, раскопки А. Б. Белинского, 1998 г.) с изображением трехпалых драконов, пытающихся проглотить вазу с цветами, еще и «пылающую жемчужину» нельзя признать состоятельной. За жемчужину автором принят стандартный облаковидный мотив. См.: Додде З. В. Бестиарий на «монгольских» шелках. Стиль и семантика дизайнера // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. № 2 (30). С. 102, Рис 1. Фотографии и более четкую прорисовку фрагментов ткани см: Додде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001. Рис. 41–43. Илл. 34, 35.

¹⁵ Приношу глубокую благодарность Б. Рыбальченко за предоставленный материал.

Серьга снабжена жемчужиной средней величины, украшенной гофрами. Подобные серьги, я полагаю, принадлежат к группе тюркских мужских украшений. На апрельском аукционе Sotely's 1989 г. можно было видеть несколько золотых несомкнутых серег в виде змеедракона предположительно из числа случайных находок в исламской Анатолии¹⁶. Здесь, на одном из экземпляров просматривается концевой ограничитель для крепления утраченной жемчужины. Мода на мужскую серьгу существовала в середине XIII в. и у монголов. В словесном портрете 56-летнего Берке египетским автором отмечена мужская золотая серьга с драгоценным камнем¹⁷; о ее форме сведений нет. Во второй половине XIV – начале XV в. серьги с протомой дракона известны по инвентарю половецких захоронений из европейской зоны степной Евразии. Находки этого типа нередки в археологии степного Поднепровья¹⁸. В могильнике у села Дмухайловка близ Днепропетровска серьга с протомой дракона найдена в кочевническом погребении с монетами 770 г. х. / 1368–1369 гг., чеканенными от имени золотоордынского хана Мухаммада Булака (1368–1380), малолетнего ставленника Мамая¹⁹. Среди находок на поселении Samar (Самарская Лука) в золотоордынском Поволжье известна даже литейная форма для отлив-

¹⁶ Горелик М. В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. М., 2008. Вып. 222. Рис. 4, 2–3.

¹⁷ История Казахстана в арабских источниках. Алматы, 2005. Т. 1 : Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. С. 193.

¹⁸ Кулатова И. Н. Золотоордынское украшение из Зенькова // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2002. № 1 (2). С. 115; Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М. Археологічні пам'ятки золотоордынського часу межиріччя Орелі та Сули // Старожитності і золотоординського часу Дніпровського лісостепоного лівобережжя. Київ ; Полтава, 2004. С. 38–39, Рис. 31; Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье, 2001. С. 65–67, 69, 96, 97, Рис. 21, 10, 22, 2, 32, 5; С. 76, Рис. 2; Шалобудов В. Н., Андросов В. А., Мухонад С. Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности степного Поднепровья III–II тыс. до н. э. Днепропетровск, 1983. С. 21, Рис. 16; Горелик М. В. Золотоордынские предметы и их местные подражания... С. 124, Рис. 4, 4.

¹⁹ Шалобудов В. Н., Андросов В. А., Мухонад С. Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка. С. 21.

ки таких украшений²⁰. Идентичная серьга найдена и в новгородском Копорье²¹, что свидетельствует скорее о какой-то инфильтрации тюркского этноса в этот район, чем о «моде», принятой славянским населением, ориентированным на православие. Иногда серьги этого типа неверно определяются как женские височные кольца²².

Когда и где произошло смешение китайской иконографии дракона, играющего с жемчужиной, с типом змеевидной рептилии, почитаемой в тюркской среде, можно только предполагать. Но это не могло случиться ранее середины XIII в. Гипотетически такая контаминация наиболее вероятна для ремесленных центров Анатолии времени подчинения монголами сельджукидов.

Таким образом, можно думать, дюреровский рисунок едва ли сделан с китайского или центральноазиатского подлинника XIII–XIV столетий. Бесспорно, однако, что в основу эскиза положен *редкий* тип браслета, основанный на символике традиционной китайской культуры. С ней старая Европа впервые познакомилась в результате глобализации монгольской эпохи еще в период расцвета Великого шелкового пути (конец XIII – XIV в.).

Любопытство Дюрера, проявленное в рисунке редкого браслета, – одна из тех малозаметных деталей, которая дополняет его характеристику как человека ментально принадлежащего новой эпохе – эпохе Возрождения. А сам рисунок, и в этом его особое значение, подтверждает непрерывность существования типа украшений с сюжетом «дракон и жемчужина» задолго до установления в Китае маньчжурской династии. Есть основание считать, что рисунок Дюрера восполняет лакуну в существовании типа китайского браслета с водным драконом.

²⁰ Кочкина Ф. Ф. Загадка поселения Samar (Древности Золотой Орды на Самарской Луке) // Самарская Лука. История, природа, искусство. Самара, 2011. С. 20–24. Благодарю Ю. М. Лесмана за указание на литейную форму из поселения Samar.

²¹ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. Рис. 71, 5; Горелик М. В. Золотоордынские предметы и их местные подражания... С. 124, Рис. 4, 1.

²² См., например: Строчкова Л. В. Василицкий клад XIV в. // Ювелирное искусство и материальная культура : тез. докл. участников VIII коллоквиума (Государственный Эрмитаж, 11–16 октября 1999 г.). СПб., 2001. С. 126–128.

Крамаровский М. Г. Альбрехт Дюрер: браслет с китайским драконом...

M. G. KRAMAROVSKY
ST.-PETERSBURG

ALBRECHT DURER: DRAWING OF BRACELET WITH CHINESE DRAGON
(NOTES ON JEWELRY PROTOTYPE)

The main idea of the paper is to give the presentation of «dragon-fish», Chinese traditional drawing motif. Most likely, the Durer's figure is based with Mediterranean replica of the original jewelry on time of Marco Polo.